

МРНТИ 11.15.37

Т.П. Шикер, С.В. Бирюков

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово,

Российская Федерация

(E-mail: timshiker@mail.ru, birs.07@mail.ru)

Влияние факторов терроризма, экстремизма и сепаратизма на национальную политику Китайской Народной Республики

Аннотация. В данной статье рассматривается проявление факторов терроризма, экстремизма и сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах. Автор анализирует причины их возникновения, последствия их проявлений в данных национальных территориях, а также меры, принятые властями КНР. Делается вывод, что данные факторы оказали влияние на национальную политику Китая, частично изменив ее, в том числе в сфере религии. В то же время эти трансформации никак не повлияли на следование курсу к «китайской мечте», а, напротив, стали органичным продолжением прежней версии реализации национальной политики.

Ключевые слова: Китай, национальная политика, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, терроризм, экстремизм, сепаратизм.

DOI: <https://doi.org/10.32523/26-16-6887/2019-129-4-125-134>

Китайская Народная Республика, будучи полиэтничным государством, имеет обширный опыт в сфере национальной политики. В последнее время, на наш взгляд, на данную сферу оказывают значительное влияние факторы терроризма, экстремизма и сепаратизма. В Поднебесной на официальном уровне их называют «тремя силами зла». Проявление этих негативных явлений было особенно заметно в последнее десятилетие в Синьцзян-Уйгурском (СУАР) и Тибетском автономных районах (ТАР).

В первую очередь, следует рассмотреть пример Синьцзяна, который является наиболее ярким в плане нововведений в нацполитику из-за вышеобозначенных факторов. Именно там в последние годы произошло достаточно большое количество трагических событий, связанных с террористической деятельностью.

Например, в 2009 году, согласно официальной информации, в результате массовых беспорядков в Урумчи – столице СУАР – погибли 197 человек, более 1700 местных жителей получили ранения. Тогда причиной произошедшего стал этнический конфликт на одном из предприятий по производству игрушек – между уйгурами и ханьцами, которые прибыли в Синьцзян из других районов страны. В результате этого конфликта скончались два уйгура, а десятки получили травмы. В Белой книге «Развитие и прогресс в Синьцзяне», опубликованной в 2017 году, отмечается, что эти беспорядки входят в число тех, которые были осуществлены «террористическими, этническими сепаратистскими и религиозными экстремистскими силами» [1].

К этому же списку власти отнесли террористический акт, который произошел в 2014 году в административном центре южной провинции КНР Юньнань, в городе Куньмин. Тогда группа террористов, вооруженных длинными ножами, напали на пассажиров железнодорожного вокзала. В результате случившегося 31 человек погиб, более 140 получили ранения. Несмотря на то, что террористический акт был совершен не на территории Синьцзяна, официальное заявление властей было следующим: теракт был спланирован и организован синьцзянскими сепаратистами.

В результате, после ряда терактов, которые имели место быть в КНР в конце

2000-х – начале 2010-х гг., власти привнесли серьезные изменения в правовую сферу, связанную с борьбой с терроризмом. Так, в 2015 году Всекитайским собранием народных представителей был принят первый в истории страны Закон «О борьбе с терроризмом» и внесены поправки к уголовному кодексу.

Сам нормативный акт дал не только конкретное и достаточно развернутое определение терроризму и террористической деятельности, но и определил собой систему антитеррористических действий в КНР, в том числе в автономных районах.

Согласно Закону, террористической деятельностью в Китае считаются не только конкретные «деяния, направленные на организацию, планирование, подготовку к осуществлению, осуществление или намерение осуществления деятельности, влекущей за собой серьезное посягательство на общество в виде гибели людей, нанесения значительного вреда имуществу, разрушения социальной инфраструктуры, приведения в хаос социального порядка» [2, с. 27]. К данному понятию относится и пропаганда терроризма, провоцирование к осуществлению террористической деятельности, а также любое иное содействие террористическим организациям и террористам.

Вместе с тем, в КНР предусмотрели ряд условий, при которых будет осуществляться контртеррористическая работа. В Законе говорится, что в борьбе с терроризмом соблюдаются свободы граждан, религиозных убеждений и этнических обычаев. При этом запрещена любая дискриминация, в том числе по признаку национальности. Это, на наш взгляд, демонстрирует следующую официальную позицию властей: терроризм нельзя «привязать» к определенному национальному меньшинству, автономии или региону.

В то же время, если исходить из ряда заявлений правительства и чиновников Китая, в Поднебесной все же есть территории, которые могут выступать источником террористической активности. К такой территории, например, зачастую относят Синьцзян-Уйгурский автономный район. В 2015 году, перед принятием рассматриваемого Закона, власти КНР заявили, что «страна столкнулась со все более растущей угрозой со стороны боевиков и сепаратистов, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где число жертв насилия за последние годы достигло нескольких сотен человек» [3].

Кандидат юридических наук А.Ю. Манцуров выделил следующие принципы, отражающие особенности борьбы с террористической деятельностью в Китае: «централизация в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических мероприятий (Контртеррористический комитет Китая), сотрудничество государства с гражданами и организациями в борьбе с терроризмом; приоритет мер профилактики терроризма; сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом; недопустимость государственных уступок террористическим организациям и их членам; минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма» [4, с. 12].

Мы считаем, что одной из основных особенностей системы противодействия терроризму в Китае является то, что Закон предполагает включение в нее граждан. Последние обязаны не только оказывать любое содействие во время проведения контртеррористических мероприятий, но и незамедлительно сообщать правоохранителям любую информацию о террористах.

Как справедливо отмечает кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела восточноазиатских правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации П. В. Трощинский, за терроризм в Китае установили «чрезвычайно серьезную» уголовную ответственность. Автор приводит пример, когда восемь террористов приговорили к смертной казни [1, с. 28]. Речь идет об обвиняемых в убийствах и взрывах в нескольких регионах страны.

Больше всего принятый Закон затронул именно СУАР. Кроме террористической активности власти также неоднократно заявляли о проникновении и развитии в данной автономии религиозных экстремистских идей. Данные идеи, как отмечается в одной из Белых книг, распространяются в Синьцзяне под влиянием «международного религиозного экстремизма». При этом в регионе действует так называемое Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) или Исламская партия Туркестана (запрещена в России). Его представители совершили ряд громких терактов на территории Китая. Как отмечает кандидат юридических наук С. В. Моисеев, у ИДВТ нет конкретной политической программы. Однако организация действует, руководствуясь сепаратистскими целями – «стремится к созданию независимого Восточного Туркестана, который включал бы в себя части Турции, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Пакистана, Афганистана и СУАР. Главной задачей является освобождение СУАР от «китайской колониальной зависимости» [5, с. 171].

Таким образом, можно говорить о том, что перечисленные выше примеры подтверждают существование в нацтерриториях КНР факторов терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Такое положение дел в Синьцзян-Уйгурском автономном районе обусловлено совокупностью факторов. Среди них можно выделить два основных: этноконфессиональный состав автономии и ее территориальное положение. Исследователь Чжэн И справедливо отметил, что в СУАР сильно выражены экстремистские и этносепаратистские тенденции из-за того, что «уйгуры, населяющие Синьцзян, близки с соседними «горячими исламскими точками», прежде всего – Афганистаном и Кашмиром – как по географическому, так и по конфессиональному (уйгуры исповедуют ислам суннитского толка) признакам» [6].

На наш взгляд, к третьему фактору, несмотря на кажущийся парадокс, можно отнести непосредственно саму национальную политику, которая реализуется центром в рамках данной автономии. Например, сюда можно отнести политику в сфере образования, предполагающую обязательное изучение, кроме языка титульной национальности, нормативного китайского языка – путунхуа; политику в сфере религии, которая из-за соображений безопасности накладывает определенные ограничения в этом аспекте; миграционную политику, связанную с переселением и дальнейшей жизнью ханьцев в Синьцзяне и т.д.

Из-за вышеобозначенных особенностей СУАР и во многом трагических событий, которые там происходили, государственная национальная политика в этой автономии кардинальным образом отличается не только от общекитайского курса, но и тибетского. После принятия в КНР Закона «О борьбе с терроризмом» власти СУАР воспользовались своим правом местного законотворчества и приняли в 2016 году региональный контртеррористический нормативный акт. По данным «Центрального телевидения Китая», в документе уделили особое внимание «предотвращению и преследованию распространения религиозного экстремизма. Он назван корнями терроризма, не устранив которые об окончательной победе над террором в регионе говорить не приходится» [7]. Таким образом, можно говорить о том, что в официальной версии рассматриваемые факторы являются взаимосвязанными. Это означает понимание властей того, что с ними нужно бороться системно, а не точечно.

В конце марта 2017 года в СУАР ужесточили меры борьбы с экстремизмом, приняв еще один законодательный акт – «Список мер по борьбе с экстремизмом». Он расширил инструментарий противодействия экстремизму, а также включил в себя «15 проявлений экстремизма», которые запретили на территории автономии. Л.Е. Васильев отмечает, что в этот список вошли «ношение хиджаба и «аномально большой» бороды, публичные отказы от просмотра государственного телевидения, совершение брачных и траурных церемоний по религиозным обычаям, противодействие государственной политике по контролю над

рождаемостью, препятствование детям посещать государственную школу, намеренное повреждение паспорта, документов о регистрации или китайской валюты» [8, с. 96]. По официальным заявлениям, данные запреты призваны ограничить вмешательство религиозных сил в светскую жизнь местного населения.

Впоследствии, в 2018 году, в СУАР продолжили работу в данном направлении. В октябре был опубликован документ под названием «Положения о борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе». Нормативный акт наделил местные власти полномочиями создавать так называемые перевоспитательные центры для экстремистов. На наш взгляд, такое решение стало первым значимым практическим итогом принятых нормативных в КНР законодательных актов на данную тематику.

Председатель правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Шохрат Закир широко осветил в своем интервью ИА «Синьхуа» это нововведение. По его словам, в СУАР реализуются меры, направленные одновременно на борьбу и предотвращение терроризма. «С одной стороны, делается упор на нанесении в соответствии с законом решительного удара по тяжким насильственно-террористическим преступлениям... с другой – уделяется внимание устранению первопричин возникновения терроризма, делается так, чтобы через помощь и воспитание сплотить, воспитать и спасти подавляющее большинство тех, кто совершил незначительные противозаконные действия, чтобы они не стали очередными жертвами терроризма и экстремизма» [9].

Шохрат Закир также назвал причины возникновения терроризма и экстремизма. Он отметил, что данные явления оказывают сильное влияние на Южный Синьцзян. Особенности последнего: жители плохо владеют путунхуа – официальным языком КНР, «у них ограниченное правовое сознание и слабое знание законов» [9]. Как следствие, у таких жителей, как правило, нет профессионального образования и работы. Это означает, что «материальная основа для жизни и трудовой деятельности людей там остается слабой, что делает их уязвимыми к провокациям и принуждению со стороны терроризма и экстремизма» [9].

Такое заявление со стороны руководителя СУАР еще раз показывает, что государственная национальная политика Китая в отношении автономных районов направлена на устранение вышеобозначенных причин. Речь идет о двуязычном образовании, снижении уровня бедности в автономиях и снижении требований для представителей неханьских этносов относительно поступления в образовательные учреждения. Что касается последнего, то в связи с активизацией терроризма и экстремизма в Синьцзяне дополнительно сформировали программу профессионально-технического образования и подготовки. Она предусматривает предоставление бесплатной профессионально-технической подготовки в учебных заведениях тем, «кто стал объектом подстрекательства, принуждения или завлечения в террористическую или экстремистскую деятельность, и к тем, кто совершил мелкие правонарушения, участвуя в такой деятельности... которые оказались под влиянием терроризма и экстремизма и подозреваются в совершении незначительных уголовных преступлений» [9].

Такое образование предполагает изучение общеупотребительного языка страны, получение правовых знаний, профессиональных навыков и проведение работы по деэкстремизации. Как итог, обучающиеся получают работу. Также у них есть возможность пройти многопрофильное обучение.

Первые результаты данной системы образования, которые подвели власти, показывают положительный эффект. Шохрат Закир сообщил, что «большинство обучающихся смогли увидеть сущность и вред терроризма и религиозного экстремизма. У них в значительной степени укрепилось национальное сознание, гражданское сознание, понимание верховенства права и чувство общности китайской нации. Они также научились

лучше отличать правильное от неправильного и сопротивляться проникновению экстремистских идей» [9].

Также уже разработан план действий, воплощение которого будет способствовать развитию такого профессионально-технического образования. Предполагается, что власти будут оказывать Синьцзяну дополнительную помощь для реализации программ по привлечению инвестиций, что поможет обучающимся применять полученные профессиональные навыки. Кроме того, привлечение бизнеса в СУАР, считают власти, будет способствовать созданию рабочих мест и снижению уровня бедности.

В свою очередь, как отмечал в 2018 году посол Китая в Казахстане Чжан Сяо, после активной антиэкстремистской деятельности, которая проводится в СУАР в последние годы, в том числе через создание перевоспитательных центров для экстремистов, в автономном районе ситуация стала стабильной, а также появилась тенденция к ее улучшению. Он сообщил, что за 21 месяц в Синьцзяне «не было ни одного террористического акта, существенно снизилось количество уголовных дел и нарушений общественного порядка, включая угрозы государственной и общественной безопасности» [10].

Власти также отмечают, что в СУАР улучшилось положение в области социального обеспечения, а также имеет место быть снижение религиозного экстремизма среди местных жителей. В качестве положительных итогов такой контрэкстремистской и контртеррористической политики чиновники называют рост экономики Синьцзяна, улучшение жизни всех его этносов. Так, в 2017 году ВВП СУАР вырос на 7,6%. При этом среднедушевые доходы городского и сельского населения увеличились на 8,1% и 8,5% соответственно.

На наш взгляд, в значительной мере актуализирует проблему борьбы с терроризмом в Синьцзяне и концепция «Нового шелкового пути», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином. Так называемая стратегия «пояса и пути» предполагает создание крупной евразийской транспортной системы, которая впоследствии станет межконтинентальной. Планируется, что эта система позволит значительно быстрее перевозить грузы и пассажиров по суше из Китая в страны Европы. По заявлениям китайских властей, именно «Синьцзян является ядром строительства экономического пояса Шелкового пути» [11]. В связи с этим в автономном районе планируют увеличить темпы создания инфраструктурных объектов, а также, как следствие, сделать его более безопасным.

Л. Е. Васильев верно называет Тибет «вторым районом Китая, где среди населения активно распространяются сепаратистские настроения» [8, с. 101]. Изучая события последних годов, мы пришли к выводу, что один из самых трагических инцидентов в ТАР произошёл в марте 2008 года. Речь идет о массовых беспорядках. Они были вызваны тем, что власти разогнали демонстрацию, посвященную 49-й годовщине восстания в Лхасе, после которого был изгнан духовный лидер Тибета Далай-лама. По официальным данным, в результате мятежа погибли 13 человек. Впоследствии бывший заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, почетный председатель Консультативного совета по делам развития Тибетского автономного района Жэди заявил, что в ТАР перманентно сохраняется опасность сепаратистских выступлений и общественных беспорядков. Согласно официальной позиции, целью беспорядков был «подрыв авторитета предстоящей в Пекине Олимпиады», а организаторами мятежа выступили «сторонники Далай-ламы, чтобы подорвать социальную стабильность» региона [11].

Позже, в 2012 году, в Тибете прошла серия актов самосожжения тибетских монахов. Подобные случаи были зафиксированы и позже. Тогда официальный представитель 5-й сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Чжао Цичжэн сообщил, что эти «экстремистские действия» [12] также одобряются Далай-ламой.

Власти отреагировали на данные события. Как итог, курс государственной национальной политики в отношении Тибетского автономного района так же, как и в Синьцзяне, претерпел изменения. В частности, произошло усиление контроля за религиозной деятельностью. Как пишет И. Р. Гарри, все большие монастыри оснастили видеорегистраторами, там «постоянно находится большое количество полицейских в штатском, поблизости рассредоточены армейские подразделения. Власти существенно ограничили поездки тибетских монахов в Индию на учебу и приезд тибетских лам из-за границы» [13, с. 161]. Еще одним инструментом, который активно применяется после волнений, стали сессии «патриотического воспитания». Их реализуют в монастырях после каждого случая волнений [13, с. 161].

В то же время, согласно официальным заявлениям властей, в китайских автономиях проводится такая религиозная политика, которая обеспечивает не только защиту свободы вероисповедания, но и активное развитие традиционной тибетской религиозной деятельности.

Таким образом, в последнее десятилетие в КНР были сформированы новые факторы развития и реализации государственной национальной политики в отношении национальных меньшинств. Это означает, что курс национальной политики в Поднебесной постоянно изменяется и трансформируется, исходя из новых условий, в рамках которых стране приходится развиваться.

Как было отмечено выше, значительное влияние на корректировку китайской нацполитики оказали факторы терроризма, экстремизма и сепаратизма. Если говорить о влиянии данных факторов именно на Тибет и Синьцзян, то можно выделить ряд особенностей.

Так, Тибетский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, как заявляют не только исследователи, но и власти страны, являются двумя китайскими регионами-лидерами, где такие явления как терроризм, экстремизм и сепаратизм достаточно распространены.

Вследствие такого положения дел в этих двух автономиях проводится в какой-то мере обособленная нацполитика, направленная на минимизацию данных явлений. Ее характерной чертой является системность – терроризм, экстремизм и сепаратизм рассматриваются как взаимосвязанные проблемы, решить которые невозможно точечно.

Еще одной общей особенностью ТАР и СУАР в этом аспекте можно назвать религиозную основу рассматриваемых факторов. Так, в Синьцзяне, где этническое меньшинство составляют уйгуры, которые исповедуют ислам суннитского толка, существует проблема религиозного экстремизма. Тибетцы, этническое меньшинство Тибета, исповедуют буддизм. Этот факт, исходя из заявления китайского правительства, является причиной религиозного сепаратизма. Однако в данном случае стоит уточнить, что власти связывают волнения, которые были в Тибете, с деятельностью Далай-ламы – духовного лидера последователей тибетского буддизма. Например, в Белой книге «Исторический выбор пути развития Тибета» напрямую заявляется, что Далай-лама XIV и его сподвижники разжигают ненависть между нацменьшинствами. Более того, именно их обвинили в событиях 2008 года – крупных волнений в Лхасе, в результате которых, по официальным данным, погибли 18 мирных жителей, 382 человека получили ранения, из них 58 человек были тяжело ранены [14].

При этом у деструктивных явлений, которые есть в Тибете и Синьцзяне, абсолютно разные цели. Что касается Тибетского автономного района, как верно отмечает Л. Е. Васильев, «на самом деле Далай-лама и его сторонники из тибетского правительства в изгнании вовсе не говорят об отделении и образовании независимого государства. Это Тибету невыгодно экономически» [7, с. 101]. Согласно концепции «среднего пути», которую выдвинули Далай-лама и его сторонники, тибетскую автономию необходимо расши-

рять по типу Гонконга, что означает, в том числе, создание в регионе своего правительства, валюты и полиции. Однако китайское правительство категорически осуждает и отрицает такой подход. Оно «согласно на возобновление переговоров с Далай-ламой по статусу Тибета только после признания им Тибета частью Китая и отказа от сепаратистской деятельности, а правительства КНР – единственной законной властью» [7, с. 102].

«Исламская партия Туркестана», которая ранее была известна как «Исламское движение Восточного Туркестана является сепаратистской организацией в СУАР, ее члены – уйгуры. Цели данного деструктивного сообщества носят более негативный характер, по сравнению с проблемами Тибета. Как минимум, они распространяют идеи террористической активности против противников ислама, максимум – агитируют за создание теократического исламского государства, живущего по законам шариата [7, с. 98]. Таким образом, речь идет о планах вывести СУАР из состава КНР. Такие намерения говорят сами за себя – являются крайне опасными для национальной безопасности страны, ее целостности.

Вместе с тем факторы терроризма, экстремизма и сепаратизма во многом тормозят социально-экономическое развитие Тибета и Синьцзяна. Это проявляется, в том числе, в различных ограничениях, начиная от религиозных и заканчивая некоторыми установками в образовании. Отдельно можно выделить ограничение доступа в Интернет. Как отмечает американский исследователь Ребекка Маккиннон, в Китае, в том числе в автономиях, блокируют не только веб-сайты и IP-адреса, но и используют специальные фильтры, которые обязаны устанавливать интернет-провайдеры [15, с. 28]. При этом, по данным Джеймса Лейболда из австралийского университета Ла Троба, для борьбы с этими проблемами в автономиях развернут процесс секьюритизации.

«Новшества», которые привнесли в национальную политику КНР факторы терроризма, экстремизма и сепаратизма, на первый взгляд, имеют негативный характер. На наш взгляд, это не совсем так. Правовая и практическая части обновленной национальной политики с учетом возникших проблем удачно вписались в существующую в Китае концепцию «китайской мечты». Так, Председатель КНР Си Цзиньпин говорил, что одним из условий ее осуществления является объединение силы нации, «которая рождается великой сплоченностью 56 национальностей и населения, насчитывающего более 1,3 млрд человек» [16]. Именно поэтому акцент в современной нацполитике Поднебесной делается на «великом возрождении китайской нации», где каждый будет себя ощущать представителем не какой-либо конкретной национальности, а единого Китая. Следование этому курсу прослеживается практически во всех сферах жизнедеятельности нацменьшинств, в том числе в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которые имеют место быть в национальных территориях.

Кроме того, анализ официальных государственных данных, которые были представлены в данной статье, показывает, что направление национальной политики Китая, связанное с вопросами терроризма, экстремизма и сепаратизма, так или иначе показывает и другие положительные результаты. Прежде всего это касается поддержания внутренней и внешней государственной безопасности. Также, на наш взгляд, данное направление, как это ни парадоксально, будет способствовать дальнейшему развитию национальных территорий в социальной и экономической сферах с точки зрения поддержки от центра. Ведь официальная позиция властей состоит и в том, что для борьбы с «тремя силами зла» необходимо пресекать негативные идеи до того, как они могут возникнуть у граждан. Для этого, в частности, центром может быть усилена поддержка образования в национальных территориях, которое, как известно, имеет и идеологический характер, а также экономическая поддержка, призванная сократить уровень бедности в автономиях и, как следствие, повысить уровень жизни национальных меньшинств. В то же время, мы

считаем, что жесткость мер и стратегий против терроризма, экстремизма и сепаратизма в национальных территориях не уменьшится, а, возможно, только вырастет. Это связано, с одной стороны, что государство изначально заявило об однозначном отношении к «трем силам зла» как недопустимым в принципе и закрепило такое отношение законодательно. С другой – данные факторы явно противоречат не только проводимой национальной политике, призванной развивать автономии, но и, как отмечалось ранее, всеобщему государственному курсу.

Список литературы

1. Белая книга «О развитии и прогрессе прав человека в Синьцзяне» (на китайском языке) [Электронный ресурс] / State Council Information Office of China. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1554103/1554103.htm>. (дата обращения 17.11.2018).
2. Трощинский П.В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития / П.В. Трощинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 24 – 31.
3. Парламент Китая принял противоречивый антитеррористический закон [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/12/27/622727-parlament>. (дата обращения: 10.10.2018).
4. Манцуров А. Ю. Правовые основы борьбы с терроризмом в Китайской Народной Республике как составляющая обеспечения национальной безопасности // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXI междунар. науч.-практ. конф. – № 5(56). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 11-15.
5. Моисеев С. В. Исламское движение Восточного Туркестана: история происхождения и деятельность / С. В. Моисеев // Востоковедные исследования на Алтае. – 2014. – № 8. – С. 170-171.
6. И Чжэн. Политика противодействия терроризму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [Электронный ресурс] / Чжэн И // Мировая политика. – 2016. – № 4.
7. В Синьцзяне вступили в силу местные нормативные акты по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.cctv.com/2016/08/07/VIDECrmjW59b8FWitQxSk8dP160807.shtml>. (дата обращения: 02.03.2019).
8. Васильев Л. Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трёх зол» / Л. Е. Васильев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – Т. 23. – № 23. – С. 96-106.
9. Интервью главы правительства Синьцзяна о борьбе с терроризмом, профессионально-техническом образовании и подготовке в Синьцзяне [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1019/c31521-9509873.html> (дата обращения: 15.09.2019).
10. Посол Китая в Казахстане: «СУАР добился высоких результатов в борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс]. – URL: <https://365info.kz/2018/10/posol-kitaya-v-kazhastane-suar-dobilsya-vysokih-rezultatov-v-borbe-s-terrorizmom>. (дата обращения: 12.03.2019).
11. Стратегия «пояса и пути» открывает перед Синьцзяном большие возможности развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0312/c31521-8861686.html> (дата обращения: 20.09.2019).
12. Тибет постоянно подвержен опасности сепаратистских выступлений – ТАР [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20080319/101661582.html> (дата обращения: 20.11.2018).
13. Акты самосожжения тибетских монахов получили похвалу от Далай-ламы – Чжао Цичжэн [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7746868.html>. (дата обращения: 03.12.2018).
14. Гарри И. Р. «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты / И. Р. Гарри // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – №4. – С. 161.
15. Белая книга: клика Далай-ламы XIV никогда не отказывалась от насилия [Электронный ресурс]. – URL: http://russian.news.cn/china/2015-04/15/c_134154179.htm. (дата обращения: 20.03.2019).
16. MacKinnon, R. Networked Authoritarianism in China and Beyond: Implications for global Internet freedom / Rebecca MacKinnon // Liberation Technology in Authoritarian Regimes. – 2010. – P. 28.

Т.П. Шикер, С. В. Бирюков

Кемерово мемлекеттік университеті, Кемерово, Ресей Федерациясы

Терроризм, экстремизм және сепаратизм факторларының Қытай Халық Республикасының ұлттық саясатына әсері

Аңдатпа. Бұл мақалада Шыңжаң-Ұйғыр және Тибет автономиялық аймақтарындағы терроризм, экстремизм және сепаратизм факторларының көрінісі қарастырылады. Автор олардың пайда болу себептерін, олардың осы ұлттық аумақтардағы көріністерінің салдарын, сондай-ақ ҚХР билігі қабылдаған шараларды талдайды. Бұл факторлар Қытайдың ұлттық саясатына әсер етті, оны ішінара өзгертті, соның ішінде дін саласында орны қарастырылған. Сонымен бірге, бұл өзгерістер «қытай арманы» бағытына әсер еткен жоқ, керісінше, ұлттық саясатты жүзеге асырудың алдыңғы нұсқасының органикалық жалғасы болды.

Түйін сөздер: Қытай, ұлттық саясат, Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы, Тибет, терроризм, экстремизм, сепаратизм.

T.P. Shiker, S.B. Biryukov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

The influence of the factors of terrorism, extremism and separatism on the national policy of the People's Republic of China

Abstract. This article discusses the existence of the factors of terrorism, extremism and separatism in the Xinjiang Uygur and Tibet Autonomous Regions. The author analyzes the causes of their occurrence, its consequences in these national territories, as well as measures taken by the PRC authorities. The author concluded that these factors influenced the national policy of China, partially changing it, including in the sphere of religion, economy and social. At the same time, these transformations did not affect the course towards the «Chinese dream», but, on the contrary, became an organic continuation of the previous version of the implementation of national policy.

Keywords: China, national politics, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Tibet, terrorism, extremism, separatism.

References

1. Belaja kniga «O razvitiu i progresse prav cheloveka v Sin'czjane» [White paper «The development and progress of human rights in Xinjiang» (in Chinese)] [Electronic resource], State Council Information Office of China. Available at: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1554103/1554103.htm> (Accessed: 17.11. 2018).
2. Troshchinsky P.V. Sovremennoe zakonodatel'stvo KNR: problemy i perspektivy razvitiya [Contemporary legislation of the PRC: problems and development prospects], Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 3, 24-31 (2016).
3. Parlament Kitaja prinjal protivorechivyy antiterroristicheskij zakon [The Chinese Parliament has adopted a controversial anti-terrorism law] [Electronic resource]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/12/27/622727-parlament> (Accessed: 10.10. 2018).
4. Mantsurov A.Y. Pravovye osnovy bor'by s terrorizmom v Kitajskoj Narodnoj Respublike kak sostavljajushhaja obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Legal foundations of the fight against terrorism in the People's Republic of China as a component of ensuring national security], Voprosy sovremennoj jurisprudencii: sb. st. po mater. LXI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Issues of modern jurisprudence: collection of articles by mater. LXI Int. scientific-practical conf.], 5 (56) (SibAK, Novosibirsk 2016, p. 11-15).
5. Moiseev S.V. Islamskoe dvizhenie Vostochnogo Turkestana: istoriya proishozhdeniya i dejatel'nost' [Islamic Movement of East Turkestan: history of Origin and Activity], Vostokovednye issledovaniya na Altae [Oriental Studies in Altai], 8, 170-171, 2014.
6. Zheng I. Politika protivodejstvija terrorizmu v Sin'czjan-Ujgurskom avtonomnom rajone KNR [Counterterrorism policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC] [Electronic resource], Mirovaja politika [World Politics], 4 (2016).
7. V Sin'czjane vstupili v silu mestnye normativnye akty po bor'be s terrorizmom [In Xinjiang, local anti-terrorism regulations have entered into force] [Electronic resource].— Available at: <http://russian.cctv.com/2016/08/07/VIDECrmjW59b8FWitQxSk8dP160807.shtml> (Accessed: 2.03. 2019).
8. Vasiliev L.E. O nekotoryh aspektah bor'by Kitaja s silami «trjoh zol» [About some aspects of the struggle of China with the forces of the «three evils», Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity], 23 (23), 96-106 (2018).

9. Interv'ju glavy pravitel'stva Sin'czjana o bor'be s terrorizmom, professional'no-tehnicheskom obrazovanii i podgotovke v Sin'czjane [Interview with the Head of Government of Xinjiang on the fight against terrorism, vocational education and training in Xinjiang] [Electronic resource]. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1019/c31521-9509873.html> (Accessed: 15.09. 2019).
10. Posol Kitaja v Kazahstane: «SUAR dobilsja vysokih rezul'tatov v bor'be s terrorizmom» [Chinese Ambassador to Kazakhstan: «XUAR has achieved high results in the fight against terrorism»] [Electronic resource]. Available at: <https://365info.kz/2018/10/posol-kitaya-v-kazahstane-suar-dobilsya-vysokih-rezultatov-v-borbe-s-terrorizmom> (Accessed: 12.03. 2019).
11. Strategija «pojasa i puti» otkryvaet pered Sin'czjanom bol'shie vozmozhnosti razvitija [The «belt and path» strategy opens up great development opportunities for Xinjiang] [Electronic resource]. Available at: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0312/c31521-8861686.html> (Accessed: 20.09. 2019).
12. Tibet postojanno podverzhen opasnosti separatistskih vystupenij [Tibet is constantly exposed to the danger of separatist protests] – TAP [Electronic resource]. Available at: <https://ria.ru/20080319/101661582.html> (Accessed: 20.11. 2018).
13. Akty samosozhzheniya tibetskih monahov poluchili pohvalu ot Dalaj-lamy – Zhao Qicheng [The acts of self-immolation of Tibetan monks received praise from the Dalai Lama – Zhao Qicheng] [Electronic resource]. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/7746868.html> (Accessed: 3.12. 2018).
14. Harry I. R. «Tibetskij vopros» i tibetskij buddizm v Kitae: reformy i konflikty «The Tibetan Question» and Tibetan Buddhism in China: reforms and conflicts, Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad], 4, 161 (2016).
15. Belaja kniga: klika Dalaj-lamy XIV nikogda ne otkazyvalas' ot nasilija [White paper: the clique of the Dalai Lama XIV never refused violence] [Electronic resource]. Available at: http://russian.news.cn/china/2015-04/15/c_134154179.htm (Accessed: 20.13. 2019).
16. MacKinnon, R. Networked Authoritarianism in China and Beyond: Implications for global Internet freedom, Rebecca MacKinnon, Liberation Technology in Authoritarian Regimes, 2010, p 28.

Сведения об авторах:

Шикер Т.П. – аспирант Кемеровского государственного университета, Кемерово, Российская Федерация.

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация.

Shiker T. P. – graduate student of Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.

Biryukov S. V. – doctor of Political Sciences, Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.